

Р. БРАУНИНГ

**РАБСТВО В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(600—1200 гг.)**

Исследователи экономических и социальных отношений в Византии справедливо стремились сконцентрировать свое внимание на византийском феодализме, его происхождении, характере и развитии¹. Было общепризнано, что рабство играло значительную роль на всем протяжении истории византийского общества, но было мало попыток изучить его основательно, установить его специфические отличия от античного рабства, средневекового западноевропейского рабства и т. д., исследовать изменения, которые оно претерпело, и вскрыть их причины². А между тем

¹ См. вышедшие недавно работы: А. А. Vasiliev. *History of the Byzantine Empire*. Madison, 1952, гл. 8, и G. Ostrogorski. *Pour l'histoire de la féodalité byzantine*. Bruxelles, 1954, обе с подробной библиографией. В общем среди западных ученых имеется тенденция относить установление феодальных экономических и политических отношений в Византии не ранее чем к IX столетию, в то время как советские историки датируют их возникновение значительно более ранним периодом. Отчасти это вопрос терминологии, но здесь скрывается также и действительное различие во взглядах на природу раннего византийского общества. Вопрос о том, к какому времени следует отнести установление феодальных отношений, недавно подробно обсуждался советскими византинистами и специалистами по древней истории; хотя эти дискуссии и не привели к полному единству мнений, они пролили свет на ряд аспектов проблемы.

² Имеется лишь единственная монография по этому вопросу: А. Hadjinicolaou-Margava. *Recherches sur la vie des esclaves dans le monde byzantin*. Athènes, 1950. Сколь бы ни была она полезной, эта работа страдает чрезмерно идеалистическим подходом к делу и тенденцией смешивать экономические и моральные вопросы. Интересные материалы по занимающей нас проблеме имеются в работе N. A. Constantinescu. *Réforme sociale ou réforme fiscale*. Bulletin de la Section Historique de l'Académie Roumaine, II, 1924, p. 102. Очень отрывочные данные содержатся в труде Ф. Кукулеса (Ph. Koukoulés. *Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμὸς*, 5 томов с приложением. Афины, 1948—1952). Разочаровывающей в этом отношении является работа Л. Брейе (L. Bréhier. *Le monde byzantin*, vol. I—III. Paris, 1948—1950). Хороши, но очень кратко написанные Г. Острогорским и Ст. Рэнсименом главы в „Кембрижской экономической истории Европы“ („The Cambridge Economic History of Europe“, vol. 1, 1941; vol. 2, 1953). Русские византинисты всегда были впереди в области экономической истории; можно много почерпнуть из трудов В. Васильевского и из работ Ф. Успенского, хотя ни тот, ни другой не писали специально по проблеме византийского рабства. То же самое может быть сказано о недавних исследованиях советских ученых М. В. Левченко, Е. Э. Липшиц, А. П. Каждана, Э. В. Удальдовой, М. Я. Сюзюмова и др., опубликованных в томах „Византийского временника“. „Сборник документов по социально-экономической истории Византии“, изданный АН СССР в 1951 г., почти совсем не касается проблемы рабства. Работы А. П. Рудакова „Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии“ (СПб., 1916), А. П. Каждана „Рабы и мистии в Византии IX—XI веков“ (УЗ Тульского государственного педагогического ин-та, вып. 2, 1951) и М. Я. Сюзюмова „О правовом положении рабов в Византии“ (УЗ Свердловского пединститута, II, 1955) я не имел возможности получить.

обстоятельное исследование всех этих вопросов совершенно необходимо, так как без этого нельзя понять многих особенностей византийского феодализма.

Данная статья не ставит своей целью дать такое исчерпывающее исследование, ее задача состоит лишь в том, чтобы дать краткий обзор сведений и в общих чертах наметить проблемы. После предварительных замечаний об исторических источниках и о периодизации мы сосредоточим внимание на следующих двух главных вопросах: как использовались рабы и каковы были источники рабства.

I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

а) *Юридические источники, включающие имперские кодексы и новеллы императоров*³. В дополнение к обычным трудностям, с которыми всегда сопряжено использование текстов законов как исторических источников, здесь имеются две специальные проблемы. Первая состоит в том, что византийские кодексы обычно стремятся более или менее полно воспроизвести законодательство Юстиниана. Вопрос о том, отражают ли они сколько-нибудь достоверно условия своего времени или представляют собой окаменелости, которые скорее препятствовали, чем способствовали развитию экономических отношений, уже давно обсуждается в науке, и здесь не следует вдаваться в него слишком подробно⁴. Достаточно сказать, что в результате этого обсуждения признано, что те модификации, которым все же подвергались в последующих кодексах многие из положений законодательства Юстиниана, дают некоторую возможность использовать эти кодексы при изучении социально-экономического развития Византии. Вторая трудность — результат того, что нам не всегда ясен характер некоторых текстов. Был ли Земледельческий закон обязательен для судов и если был, то для каких судов? Были ли все новеллы Льва VI действительным законодательством или некоторые из них представляли собой своего рода программу социальных реформ? Вопросы, подобные этим, до сих пор являются спорными для юристов⁵.

б) *Повествовательные источники*, в особенности хроники и истории, а также и автобиографические тексты, такие, как рассказ Иоанна Камениаты о взятии Фессалоники арабами в 904 г. Эти памятники могут содержать отрывочную информацию по нашей теме, хотя главное внимание в них уделяется двору, церкви и армии и они в общем являются скудными источниками для историка, изучающего социально-экономические отношения.

в) *Агиографические тексты*. Они очень разнообразны, и многие из них содержат значительную информацию по социальным и экономическим отношениям. Они являются наиболее ценным источником для нашей темы. Сверхъестественный элемент, сам по себе, не должен смущать нас, так как рассказывавшие о чудесах обычно стремились к правдоподобию в деталях. Однако использовать эти тексты следует с осторожностью. Необходимо, в частности, точно установить дату и обстоятельства составления каждого из этих текстов. Следует также помнить, что предания могут быть перенесены из одной эпохи в другую. Так, например, некоторые уче-

³ Эти источники описываются в следующей работе, располагающей обширной библиографией: L. Wenger. Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953, S. 678—726.

⁴ См. Г. Эверт-Каппесова. BS, XVI, 2, 1955, p. 353.

⁵ Ср. L. Wenger. Op. cit., S. 695, где указывается библиография.

ные полагают, что житие св. Андрея Юродивого, которое якобы рассказывает о событиях, относящихся к царствованию Льва VI (886—912) и написано будто бы современником этих событий, было создано в первоначальном виде намного ранее — возможно, в царствование Льва I (457—474)⁶.

г) *Документы.* От периода до 1200 г. их сохранилось очень немного, кроме документов из византийской Южной Италии. Нельзя, однако, сказать с определенностью, что развитие этой отдаленной и несколько своеобразной пограничной провинции было типичным для Византийской империи в целом. Поэтому итальянские документы должны использоваться с большой осторожностью. Немногочисленные документы этого периода из других частей империи касаются преимущественно вопросов земельного владения.

II. ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Не вдаваясь в детали и не предлагая определенной даты начала преобладания феодальных отношений, мы можем разделить наш период на два этапа: первый — так называемые «темные века» — примерно от смерти Ираклия в 641 г. до начала IX столетия и второй — последующее время, отмеченное развитием и окончательным установлением господства крупной земельной собственности. Легко преувеличить упадок цивилизации в «темные века», и это часто делалось. Однако этот упадок существовал в действительности, и нельзя считать, что наше представление о нем является просто результатом малочисленности сохранившихся источников. Среди юридических текстов этой эпохи мы имеем только Эклогу Льва III (717—741 гг.); главными повествовательными источниками являются хроники Феофана и Никифора, обе написанные в самом конце периода; из его сравнительно немногочисленных агиографических текстов, которые можно было бы использовать в наших целях, наиболее ценными являются жития тех, кто подвергся преследованиям во время второго периода иконоборческого движения; они часто содержат важный материал; документов (за исключением некоторых египетских), относящихся к самому началу периода, не имеется.

Ниже следует краткий очерк основных моментов экономического развития в течение всего интересующего нас периода.

«Темные века» характеризовались:

а) Широким распространением свободной крестьянской собственности на землю при наличии некоторого количества участков, находившихся в общем пользовании⁷. В какой степени это было результатом славянского влияния, пока что остается спорным. Крупные славянские по-

⁶ Главное собрание агиографических текстов содержится в *Acta Sanctorum Bollandiana*, публикация которых началась в 1643 г. и до сих пор еще не закончена. Многие тексты, особенно в ранних томах, были опубликованы только в отрывках, причем иногда издавалась лишь латинская версия греческого оригинала. Это собрание дополнено текстами, опубликованными в *Analecta Bollandiana* (с 1881 г.). Кроме того, многие жития, часто важные для нашей темы, рассеяны в периодической литературе, иногда в русских и греческих периодических изданиях XIX в., комплекты которых имеют очень немногие библиотеки Западной Европы. Необходимым пособием для всех занимающихся греческими агиографическими текстами, является труд А. Эрхарда (*A. Ehrhard. Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche, 3 Bände. Leipzig, 1936—1951*), однако отсутствие указателя к этой работе очень затрудняет пользование ею.

⁷ См. из недавних работ: А. П. К а ж д а н. Византийская община в IX—X веках. УЗ Великолукского пединститута, 1956, стр. 77—102.

селения определенно существовали не только в Европе, но и в Малой Азии.

б) Упадком многих городов и превращением их в аграрные центры. Этот процесс в своем развитии никогда не выходил так далеко, как в Западной Европе, и некоторые из крупнейших городов, такие, как сам Константинополь или Фессалоника, остались крупными городами с процветающим товарным производством. Но не подлежит сомнению, что в других местах товарное производство было сильно сокращено. Осталось мало следов крупных сооружений, относящихся к периоду от Ираклия (610—641 гг.) до Феофила (829—842 гг.). Некоторые античные города исчезли, но, с другой стороны, появились в IX—X вв. на месте некоторых античных деревень византийские города.

в) Соответствующим сокращением обращения монет. Хотя нет ничего подобного почти полному исчезновению монеты, характерному для большей части Западной Европы того времени, однако как клады монет, так и вообще находки на территории всей империи содержат очень мало монет, относящихся к периоду от Ираклия до Феофила⁸.

В первой половине IX столетия началось, как об этом определенно свидетельствуют источники, оживление экономической жизни. Феофил был первым за два столетия императором, имевшим в своем распоряжении большой золотой запас. Нам известно об обширных строительных программах во время его царствования, осуществление которых продолжалось затем в течение целого столетия. Находки кладов и отдельных монет свидетельствуют об увеличении денежного обращения. Все это предполагает возросшую торговлю и товарное производство.

К концу IX в. рост крупных поместий, передававшихся по наследству, шел уже полным ходом. Юридические памятники показывают, что свободные крестьяне и стратиоты сгонялись со своих участков или становились зависимыми. Ряд аграрных восстаний свидетельствует об отчаянном положении большей части крестьянства. Очень характерно, что фамилии крупной феодальной знати более поздних столетий часто ведут свое происхождение как раз от начала IX в. К XI столетию большие поместья или, по крайней мере, крупные владения — независимо от того, образуют ли они единый земельный массив или нет, — стали, по-видимому, господствующей формой землевладения. Но свободные крестьяне никогда не исчезли вполне.

Цены, если не говорить о сезонных и случайных колебаниях, оставались, кажется, довольно постоянными на протяжении всего периода, хотя, конечно, мы не должны забывать, как мало сведений мы имеем. В последние столетия рассматриваемого периода, а возможно также и в ранние, хозяйство носило денежный характер, в том смысле, что рента обычно уплачивалась в деньгах, а правительственные чиновники получали жалованье деньгами, которое в какой-то мере дополнялось подарками из шелковых одежд и т. п., а не участки земли, как это было принято тогда в Западной Европе (а позднее и в византийском и южнославянском мире).

III. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБОВ

Источники свидетельствуют, что рабы использовались как домашние слуги в ремесленном производстве и в сельском хозяйстве. Рассмотрим каждую из этих форм отдельно.

⁸ Наиболее убедительные доказательства этого приведены в весьма важной статье А. П. Каждана „Византийские города в VII—IX веках“ (СА, 21, 1954, стр. 164—188), которая, возможно, менее хорошо известна византистам, чем она того заслуживает.

а) Рабов в качестве домашних слуг мы встречаем наиболее часто в наших источниках. На протяжении всего периода бóльшая часть домашней работы — постольку, поскольку она не выполнялась членами семьи, — делалась рабами. Иметь большое число рабов было признаком высокого социального положения. Трудно проследить какие-либо значительные изменения в пределах этого периода в положении рабов — домашних слуг, хотя вполне возможно, что тщательный анализ наших источников обнаружит подобные изменения. Известное представление о конкретной роли рабов как домашних слуг в византийском обществе лучше всего может дать ознакомление с рядом типичных случаев.

Св. Игнатий, будучи в изгнании, находился в сопровождении группы рабов, из которых 22 были взяты в плен и убиты во время нападения русских в 860 г.⁹ Игнатий, как известно, был смещенным патриархом и сыном императора и принадлежал к самой богатой части общества.

Св. Андрей Юродивый, скиф по рождению, был около 900 г. одним из многих рабов византийского военачальника — протоспафария и стратилата, т. е., вероятно, стратига фемы. Хозяин выделил его из числа других своих домашних рабов, обучил священному писанию и греческому языку и сделал своим личным секретарем¹⁰.

Св. Мария Новая, жена военного начальника среднего ранга — он был последовательно друнгарием и турмархом в конце IX столетия, — имела большую группу рабов и рабынь. Известны имена примерно полудюжины из них, но ясно, что их было значительно больше, многие из них выполняли точно определенные функции¹¹.

Мать св. Григория из Агригента, принадлежавшего к состоятельной семье из этого сицилийского города (конец VI столетия), обмывает ноги убогих, находясь в окружении свиты рабынь¹².

Феодор Продром, поэт XI в. (проблема установления авторства «продромовых» поэм в данном случае не имеет отношения к делу), считал себя бедным человеком, каким он в действительности и был в сравнении со многими другими. Однако его семья, состоявшая из троих взрослых и четверых детей, обслуживалась по крайней мере пятью рабами и одной рабыней¹³.

Живший в X в. в лесистом районе Калабрии землевладелец имел обыкновение привозить для исцеления своих больных домашних рабов к могиле св. Ильи Спалеота. Можно предполагать, что он имел значительное число рабов¹⁴.

Живший в Константинополе в начале X столетия учитель и переписчик, по-видимому, холостой, имел одного домашнего раба, который его обслуживал¹⁵.

Мельник и его жена, в доме которых в Константинополе скрывалась св. Евфросинья Новая (около 870 г.), по-видимому, не имели домашних рабов¹⁶.

⁹ Vita S. Ignatii, PG, t. 105, col. 516 D.

¹⁰ Vita S. Andreae Sali, PG, t. 111, col. 632.

¹¹ Vita S. Mariae Junioris, AASS, Nov., t. IV, p. 696 A sq.

¹² Vita S. Gregorii Agrigentini, PG, t. 116, col. 236 D.

¹³ Théodore Prodrome. Poèmes, éd. et trad. par G. Miller. Rev. Arch., 29, 1875, p. 60; cp. ibid., p. 183—193, 254—261.

¹⁴ Vita S. Eliae Spelaetotae, AASS, Sept., t. III, p. 884 E—F.

¹⁵ British Museum Additional Manuscript 36749, fol. 152 r.

¹⁶ Vita S. Euphrosynae Junioris, AASS, Nov., t. III, p. 863 F sq. Δουλευτής μαγίπου, упомянутый Продромом (Théodore Prodrome. Poèmes. Rev. Arch., 28, 1874, p. 372), мог быть домашним рабом или рабом, занятым в производстве; он мог, конечно, совмещать обе функции.

Многочисленные крестьянские хозяйства, описываемые в житиях святых, не имели домашних рабов. Интересно отметить, что в VIII в. в Каппадокии св. Филарет, крупный землевладелец, разоренный арабскими нашествиями, имел все же одного раба, в то время как окрестные крестьяне и стратиоты не имели ни одного¹⁷. Когда св. Мария Новая жила со своим мужем в деревне, ее благие деяния проявлялись в защите местных крестьян — очевидно, свободных собственников — от сборщика налогов. Но когда они переехали в маленький фракийский городок, она брала под защиту рабов, которых наказывали их хозяева¹⁸.

Подсчитать число домашних рабов, относительное или абсолютное, невозможно. На основе приведенных выше примеров, количество которых можно значительно увеличить, мы, по-видимому, можем сказать, что использование рабов в домашнем хозяйстве ограничивалось городами и сельскими домами (*προίστεια*) богатых и что даже в городах далеко не все ремесленники имели слуг из рабов.

Эти рабы выполняли в основном неквалифицированную работу, за исключением рабов в богатейших семьях. Каждая женщина могла готовить, прясть, ткать, каждый мужчина мог колоть дрова, приносить воду, носить тяжести, присматривать за лошадьми. В тех случаях, когда в больших домашних хозяйствах имелась необходимость в специальных профессиях, не приобретали новых рабов, а обучали уже имевшихся.

Многие из этих домашних рабов получали волю. Источники упоминают об освобождении по завещанию (см., например, завещание Евстафия Воилы), при уходе в монастырь, об отпуске старых рабов. Если домашнее хозяйство продолжало существовать, такие вольноотпущенники могли зачастую продолжать жить и трудиться в нем, а не искать неквалифицированной работы на стороне. Они могли по-прежнему иметь пищу и кров, а их личное имущество могло перейти теперь в их полную собственность. Их юридическое, а также, без сомнения, и социальное положение могло измениться, но их экономическое положение могло, по сути дела, остаться тем же в обществе, где не было недостатка в рабочей силе и, следовательно, не существовало конкуренции между нанимателями.

Особый слой домашних рабов составляли евнухи, многие из которых использовались в богатых семьях и особенно при императорском дворе. Евнухи часто получали волю и занимали ответственные должности, включая некоторые из самых высоких в государственном аппарате. Существовала даже целая серия почетных рангов и титулов, предназначенных специально для евнухов. Но если не считать подвергшихся кастрации по причинам династического порядка или с целью более быстрого выдвижения в рядах церковной иерархии, большинство евнухов были когда-то рабами; и, без сомнения, многие из них так и оставались рабами до конца своих дней.

б) Следует особо остановиться на положении рабов-ремесленников, использовавшихся в частных мастерских, и тех, которые были заняты на императорских предприятиях.

О рабах, занятых на частных предприятиях в Константинополе, наиболее подробно нам говорит Книга эпарха, представляющая собой серию изданных Львом VI предписаний, которыми должен был руководствоваться эпарх города. Рабы были заняты во многих ремеслах, например в ювелирном, мыловаренном, в мастерских, изготовлявших свечи, а также в различных отраслях текстильного и швейного ремесла, В неко-

¹⁷ Vita S. Philareti, ed. M. H. Fourny et M. Leroy. Byz., IX, 1934, p. 113—115.

¹⁸ Vita S. Mariae Junioris, AASS, Nov., t. IV, p. 694 B.

торых случаях они могли быть членами коллегии, ведя дело в лавке или мастерской в пользу кого-либо, в других ремеслах это, кажется, запрещалось.

Все эти рабы, очевидно, были искусными работниками. Но, конечно, случалось иногда, что в этих ремеслах использовались также и неквалифицированные рабы, служившие на посылках, на переноске и на другой простой работе. Но обычно менее квалифицированный труд, кажется, должен был выполняться наемными работниками — мистиями. В частности, в источниках мы встречаем группы таких мистиев, используемых в качестве строительных рабочих. Эти неквалифицированные работники рекрутировались из рядов бедных или согнанных с земли крестьян, которые стекались в города, особенно в Константинополь. Агиографические тексты рассказывают о многих из них, жертвах иноземных нашествий, жадности сборщиков налогов или махинаций крупных землевладельцев. В Константинополе, по-видимому, была постоянная безработица и нужда и, следовательно, обильное предложение дешевой неквалифицированной свободной рабочей силы.

Те скудные сведения, которыми мы располагаем о других городах империи, дают нам такие же примеры обилия дешевой рабочей силы и ограниченного числа рабов — обычно искусных ремесленников, работающих бок о бок со свободными наемными работниками и хозяевами мелких предприятий.

С несколько иным образом мы имеем дело в случае с Даниелис (середина IX столетия), богатой вдовой из Патр в Пелопоннесе, находившейся в дружеских отношениях с будущим императором Василием I¹⁹. Из многих тысяч принадлежавших ей рабов часть использовалась в качестве слуг. Таковыми, например, были те 300 рабов, которые несли ее на носилках из Патр в Константинополь, или те 30 *ἀνδράποδα πρὸς ὑπηρεσίαν*, которых она отдала Василию, когда он находился больной в Ахее, или, наконец, та сотня евнухов, которую она подарила ему во время своего посещения Константинополя. Другая часть, как мы увидим ниже, работала в сельском хозяйстве. Но была и третья категория рабов, по-видимому, состоявшая из работников в текстильных мастерских. Среди даров Даниелис Василию была сотня вышивальщиц, или гобеленщиц (*μαστόρια*).

Во время своего визита в Константинополь Даниелис привезла с собой большое количество дорогих тканей. По возвращении в Патры она послала Василию огромные ковры, специально сотканые для выстроенной по его приказанию новой церкви. С. Рэнсимен убедительно показывает, что Даниелис играла довольно значительную роль в производстве тканей в Пелопоннесе, используя в качестве сырья продукцию своих собственных поместий и, по крайней мере частично, используя труд рабов. Обычно она должна была посылать свои изделия на продажу в Константинополь и в другие города. Большое количество золотых монет, которым она располагала, представляет, по-видимому, полученный ею доход. Говоря о Даниелис, не следует, конечно, забывать, что у нее, как и у других крупных магнатов Пелопоннеса в IX в., могло быть особенно большое количество рабов, так как именно в это время византийское правительство проводило широкие военные операции против населявших Пелопоннес славян.

¹⁹ Главные источники: Theophanes Continuatus, Bonnæ, 1838, p. 226—228, 316—321; Cedrenus (=Skylitzes), II, p. 190—193, 236—237; Zonaras, XVI, 10. Среди недавних исследований наиболее полезными являются: S. Runciman, The Widow Danielis. Etudes dédiées à la mémoire d'André M. Andreadès. Athènes, 1940, p. 425—431; K. A. M. A. n. t. o. s. 'Ιστορία τοῦ Βυζαντινοῦ κράτους, vol. II. Athènes, 1947, p. 25—27; A. B. o. n. Le Péloponnèse byzantin. Paris, 1950, p. 121—123.

При этом тысячи пленных славян превращались в рабов. Но вполне возможно, что в достаточной мере сходные условия могли существовать и в некоторых других частях империи²⁰.

В этой связи необходимо отметить, что развитое текстильное производство продолжало еще существовать значительно позднее в нескольких городах Пелопоннеса и Центральной Греции. Об этом, в частности, говорит тот факт, что норманны, когда они захватили Коринф и Фивы в 1147 г., взяли в плен много текстильных работников. Но нет доказательств, что это были рабы; во всяком случае они были работниками, занятыми в производстве шелковых, а не шерстяных тканей.

Текстильные мастерские Пелопоннеса имели некоторые черты сходства с императорскими предприятиями. Последние редко и только случайно упоминаются в наших источниках²¹. Они занимали монопольное или полумонопольное положение, будучи связаны с производством роскошных тканей, специального вооружения и т. д. Обычно они не производили для рынка или даже вообще не продавали свою продукцию. Они использовали почти исключительно труд рабов²². Мы не в состоянии составить точное представление о масштабах производства в этих, находившихся под покровительством государства, мастерских, но ясно, что там использовался труд многих тысяч рабов. Многие из них должны были быть высококвалифицированными. Обучение таких работников, очевидно, проходило внутри самих мастерских, и они не зависели от набора квалифицированных рабов со стороны. Нам известно о болгарских пленниках, которых Василий II послал в мастерские²³, что было, без сомнения, типичным способом рекрутирования такой рабочей силы.

Рабы в императорских мастерских, по-видимому, обычно оставались там на всю жизнь, и весьма вероятно, что они могли иметь семью, в отличие от большинства рабов, находившихся в частной собственности. Это, в частности, нашло отражение в 38-й новелле Льва VI, разрешавшей рабам распоряжаться по завещанию их личным имуществом, которое, по существу, было их собственностью. Искусные работники в этих мастерских должны были быть в основном рабами второго поколения, рожденными и обученными там.

Наличие такой государственной монопольной отрасли, использовавшей труд рабов, часто потомственных, из поколения в поколение, является одной из черт, характерных как для Византийской империи, так и для римского и греческого мира и совершенно отсутствующих в тогдашней Западной Европе и в южных и восточных славянских государствах. Вполне возможно, что именно в этой особенности византийской экономики и надо искать объяснение того сравнительно высокого уровня мастерства, которое характерно для некоторых отраслей византийского производства. Почему оно продолжало существовать так долго и каковы были факторы, которые повели к его конечному упадку, — эти вопросы имеют известное значение и для нашего понимания особенностей развития византийского общества.

Даже при таком беглом, предварительном ознакомлении с материалами об использовании рабов в ремесленном производстве средневековой

²⁰ Выдвинуто предложение, что семья летописца Феофана имела на Эгейских островах крупные предприятия с применением рабского труда. См. S. Runciman, in: Cambridge Economic History of Europe, vol. II, 1953, p. 106.

²¹ Например, Theophanes. Chronographia, ed. C. de Boor, p. 469, 3; Theod. Stud. — PG, t. 99, col. 1249.

²² См. М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века. ВВ, IV, 1951, стр. 27—29.

²³ См. В. Г. Васильевский. Труды, т. II, стр. 117—119.

Византии бросаются в глаза два момента: во-первых, преобладание квалифицированных работников среди рабов и возможно даже — преобладание рабов среди квалифицированных работников; во-вторых, только в производствах, пользовавшихся специальными привилегиями — частичной или полной независимостью от рынка, свободой от конкуренции, фиксированными ценами, по сути дела бесплатным набором рабочей силы и т. д., — ремесло на основе рабского труда развивалось в значительных масштабах.

в) Прямые свидетельства о наличии рабов в сельском хозяйстве в VII и VIII вв. мы находим главным образом в Земледельческом законе и в некоторых житиях святых. Земледельческий закон отражает условия, существовавшие в общинах крестьян-собственников; в некоторых из этих общин использовались рабы, но основную работу выполняли крестьяне и члены их семей. Однако существовали и другие типы хозяйств. Св. Филарет в благоприятные для него времена имел в Каппадокии 48 поместий с 12 тыс. овец, 800 лошадей, 100 парами волов и множеством рабов. При этом подразумевается, что рабы, так же как и скот, составляли часть имущества его поместий. Цифры, конечно, могут быть преувеличены, но общая картина представляется вероятной²⁴. Даниелис, о которой уже шла речь выше, имела огромные поместья и множество рабов в Пелопоннесе. После ее смерти, в конце IX столетия, ее наследник Лев VI освободил 3 тыс. рабов и поселил их как крестьян в византийской Италии. Они, следовательно, должны были быть сельскими работниками; большинство из них в прошлом, вероятно, было свободными славянскими крестьянами или их потомками. Трактат об обложении, относящийся к X столетию²⁵, перечисляет рабов как часть обычного инвентаря проаствия, и мы часто встречаем упоминание о них в повествовательных и агнографических текстах.

Имелась, пожалуй, известная взаимосвязь между крупным землевладением и рабством в сельском хозяйстве в X в. 5-я новелла Романа Лапина, опубликованная в 934 г., говорит о *πλήθος τῶν οἰκητῶν* как об одном из средств, используемых династами для разрушения общин бедных крестьян. Ко второй половине X столетия относится сообщение о том, что пленные, взятые Никифором Фокой, были посланы работать на поля²⁶, а 25-я новелла Иоанна Цимисхия упоминает о том, что стратиоты или забирают пленных как рабов на свои военные участки, или продают их местным магнатам, которые, по-видимому, также использовали их в качестве работников в своих поместьях. Повествовательные источники подтверждают, что земельные собственники часто имели большое число рабов в своих поместьях²⁷.

Не исключена также возможность, что и монастырские земли обрабатывались рабами. Строгие правила Студийского монастыря в Константинополе запрещали использование рабов в качестве личных слуг, монастырских слуг или как работников в монастырских поместьях²⁸. Но можно предположить, что в других монастырях были менее строгие порядки.

Хотя рабство в сельском хозяйстве было, несомненно, довольно распространено в X—XI вв., все же из юридических и агнографических источников явствует, что земля в поместьях в основном обрабатывалась

²⁴ В новейшее время некоторые ученые, скептически относясь к житийным данным, считают Филарета скорее богатым крестьянином, чем феодальным помещиком. См. F. Dölger, Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. München, 1927, S. 137; ср. G. Ostrogorsky, in: BZ, 1954, S. 4—22.

²⁵ F. Dölger, Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, S. 115; A. Andreades, in: BZ, 28, 1928, S. 291—292.

²⁶ Cedrenus, II, p. 341.

²⁷ Например, Cedrenus, II, p. 448; Nicephorus Bryennius, II, 26.

²⁸ Theodori Studitae Testamentum, PG, t. 99, col. 1817.

арендаторами-париками и наемными работниками — мистотами или мистиями²⁹. Последние, по-видимому, использовались на земле, не сдававшейся в аренду; на этой же земле должны были работать и рабы, если вообще применялся их труд в данном землевладении. Для нашего периода невозможно составить определенное представление об относительных размерах земли, сдававшейся и не сдававшейся в аренду. Г. Острогорский в своей недавней работе³⁰ показывает, что в последние столетия существования Византийской империи не сдававшиеся в аренду земли были обычно значительно обширнее, чем земли, которые обрабатывались арендаторами. По-видимому, такое же положение существовало и ранее. Если мы будем иметь в виду преобладание денежной ренты в Византии и очень низкий уровень отработочной ренты в XIV столетии, обычно 12 дней в году и вряд ли значительно больше ранее, то становится ясным, что византийские землевладельцы не могли применять труд своих арендаторов на земле, не сдававшейся в аренду, в таких масштабах, как в Западной Европе. Это было связано с большим использованием ими рабского труда, хотя отнюдь не ясно, что было причиной и что — следствием.

Со временем использование рабского труда в крупных поместьях, пожалуй, должно было уменьшиться. После 1100 г. мы встречаем много указаний на то, что военнопленных поселяли на земле в качестве уплачивающих дань крестьян и воинов, а не продавали землевладельцам как рабов. Так, например, Иоанн II Комнин (1118—1143) поселил многих из своих сербских и печенежских пленников как крестьян или воинов, хотя часть из них он все же продал в рабство³¹. А его преемник Мануил I (1143—1180), подобно своему предшественнику, посадил на землю сербских пленников, но уже не продал никого из них в качестве рабов³². Таким образом, уменьшение использования рабского труда в сельском хозяйстве не было связано с нехваткой рабов. О постепенном исчезновении рабского труда свидетельствуют и некоторые из описей поместий, сохранившихся от последних веков рассматриваемого периода. Так, опись поместья на Патмосе, относящаяся к 1073 г., гласит, что рабов больше не имеется, «так как все они умерли»³³. Подразумевается, что это случилось сравнительно недавно.

Сейчас еще нам не ясно, как конкретно протекал этот процесс перехода от одной формы эксплуатации к другой. Много интересных данных можно найти в документах из Византийской Италии. Сохранилось, в частности, много записей о том, что рабов там сажали на землю в качестве *servi casati* или после юридического или фактического освобождения как арендаторов, уплачивающих ренту и несущих повинности³⁴. Насколько можно судить (при этом следует учитывать, что документы составлялись юристами, не всегда точно отражавшими факты), это изменение не мотивировалось внеэкономическими причинами. Возможно, подобные процессы имели место и на других византийских территориях, хотя, повторяем, было бы опасно проводить слишком близкие параллели.

В отношении рабства в византийском сельском хозяйстве многое еще остается неисследованным. Мы должны в особенности изучить изменения

²⁹ См., например, Jus, III, 266, 24; Vita S. Basilii Junioris, AASS, Mar., t. III, p. 20—32.

³⁰ G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 297 sq.

³¹ Cinnamus, I, 3; Nicetas Choniata, p. 22.19.

³² Cinnamus, III, 6.

³³ MM, VI, 6; διὰ τῶν δοῦλων οὐδεὶς, διὰ τὸ ἀποθανεῖν τούτους.

³⁴ См., например, М. Л. Абрамсон. Крестьянство в византийских областях Южной Италии (IX—X вв.). ВВ, VII, 1953, стр. 161—193, где цитируется относящаяся к этому вопросу литература.

в технике производства, в сельскохозяйственных культурах и т. д. и выяснить, может ли быть установлена какая-либо взаимосвязь между переменами в технике и изменениями в производственных отношениях.

IV. ИСТОЧНИКИ РАБСТВА

Имелось три главных источника рабства: естественный прирост, война и работорговля.

а) *Естественный прирост.* Этому вопроса касаются сборники законов. Постепенное облегчение заключения браков между рабами, без сомнения, способствовало увеличению естественного прироста, поскольку семейные рабы, как правило, не подлежали разлучению. Сборник канонического права, составленный Властарем в 1335 г., касается многих случаев браков между рабами.

Однако в действительности мы имеем мало свидетельств о естественном приросте. *Vergae*, которые так часто упоминаются в римской литературе, почти не встречаются в византийской. Известно, правда, что св. Евфросинья Новая в IX в., когда она бежала из родного дома, была опознана и возвращена назад рабом, родившимся в доме ее родителей³⁵. Но св. Евфросинья была дочерью очень богатого землевладельца, имевшего поместья в Пелопоннесе и Италии и состоявшего в родстве с македонской императорской фамилией. Без сомнения, ее родители имели большое количество домашних рабов. Других таких примеров в литературе мало. Помимо факторов, которые во всех обществах препятствуют естественному приросту числа рабов, в Византийской империи имелись еще особые факторы, ограничивавшие увеличение числа потомственных рабов, а именно, частые случаи отпуска на волю по завещанию или при вступлении в монастырь, а также частые браки между рабами и свободными, потомство от которых было фактически свободным. Мы видели, правда, что многие рабы в императорских мастерских были потомственными рабами, но если брать всю византийскую экономику в целом, придется признать, что основная масса используемых в хозяйстве рабов поступала из других источников, главным образом извне.

б) *Война.* Военнопленные в принципе являлись собственностью тех, кто их взял в плен. О правилах, в соответствии с которыми они распределялись в действительности, говорят военные писатели³⁶: некоторые пленные становились собственностью императора, но большинство оставалось в руках тех, кто их взял в плен, или в руках низших командиров. 25-я новелла Иоанна Цимисхия показывает, что солдаты различным образом распоряжались своими пленниками: дарили или продавали товарищам по оружию, дарили друзьям или родным на родине, продавали на рынке в тех местах, где они стояли, или брали их с собой в свои военные участки³⁷. Попавшие к императору тоже могли быть распределены различным образом. Никифор Фока, например, продал арабских пленных, взятых им на Крите³⁸. Полтора столетия спустя Иоанн Комнин (1118—1143) таким же образом поступил с некоторыми из своих сербских пленных. Пленных могли оставлять в качестве рабов в императорских мастерских; так, кажется, поступили с некоторыми из болгарских пленных, взятых Василием II (976—1025). Часть пленных несомненно включали в состав огромного числа придворных рабов или отправляли в императорские поместья.

³⁵ Vita S. Euphrosynae Junioris, AASS, Nov., t. III, p. 866 C.

³⁶ Например, *Tactica Leonis*, 10.4.

³⁷ *Jus*, III, p. 301—303.

³⁸ *Cedrenus*, II, p. 341.

Однако большие державы старались воспрепятствовать превращению своих подданных в рабов за рубежом. Да и независимо от этого граждане соседнего государства, обладавшего сильной армией, не теряли надежды на освобождение и нередко могли быть очень опасными. Поэтому Византия заключала соглашения об обмене или выкупе военнопленных с некоторыми из своих соседей, в особенности с Арабским халифатом или северными эмиратами. Довольно рано, кажется, был выработан традиционный порядок проведения таких обменов³⁹. Имелись, кажется, возможности и для индивидуального выкупа или обмена. Новеллы македонских императоров определяют положение византийских граждан, которые были выкуплены из арабского плена частными лицами, но оказались не в состоянии отплатить своим благодетелям. От начала IX столетия дошло, например, сообщение о том, что родители человека, взятого в плен арабами, просили императорского сакеллария разрешить им приобрести арабского пленного для обмена на своего сына⁴⁰. Как арабские, так и византийские источники сообщают, что арабских пленных обычно оставляли для выкупа или обмена, и поэтому арабы-рабы встречаются редко.

Эта простая и легкая система возвращения пленников нарушалась, когда та или иная сторона захватывала внезапно очень большое число пленных. Так, Иоанн Камениата сообщает, что, когда Лев Триполийский захватил в 904 г. Фессалонику, его войска убили большинство взрослых горожан, а десятки тысяч юношей и девушек взяли в плен и продали их в рабство и лишь небольшое число богатых и знатных граждан, включая самого Иоанна Камениату, было отправлено для обмена или выкупа в Тарс. Продал, как уже упоминалось, тысячи своих арабских пленников и Никифор Фока, после того как он захватил Крит в 961 г.

Другие государства тоже стремились заключить с Византийской империей подобного рода соглашения о взаимном возвращении пленных. Так, еще в правление Льва V (813—820 гг.) такой договор был подписан болгарским ханом Омортагом, стремившимся укрепить свои связи с Византией⁴¹. Соглашения об обмене пленными включены также в русско-византийские договоры 911 и 944 гг. Однако нет доказательств, что эти соглашения действовали регулярно.

В некоторых случаях пленные по тем или иным причинам не могли быть использованы как рабы. Так, например, Василий I предал смерти многих курдских пленных, так как не было возможности доставить их через горную и враждебную страну на византийскую территорию⁴².

Не представляется возможным точно определить роль, которую играл захват пленных в поступлении рабов в то или иное время. Можно только сказать, что в периоды побед и экспансии (например, в последние три четверти X столетия) война была более богатым источником поступления рабов, чем в периоды поражений и территориальных потерь (например, в VII, VIII или в XII в.). Во всяком случае это был нерегулярный источник поступления, эффективность которого нельзя было предвидеть заранее и который нарушал уровень цен и вызывал большие неудобства. Ознакомление с агиографическими текстами и другими источниками

³⁹ См., например, A. A. Vasiliev. *Byzance et les Arabes*, t. I. Bruxelles, 1935, p. 224 sq.

⁴⁰ Vita S. Joannicii, AASS, Nov., t. II, 1, p. 379 A, 425 B—C.

⁴¹ Фрагменты этого договора, который не упоминается византийскими историками, имеются в одной из немногих надписей, сохранившихся от дохристианской Болгарии, в так называемой надписи Сюлейман-Кей. См. В. Н. Златарски. Сюлеманкьойский надпис. Известия на Археологическото Дружество в София, 3, 1912—1913, стр. 131—179.

⁴² Theoph. Cont., p. 283.

приводит к общему заключению, что большинство рабов не были военнопленными или, во всяком случае, не были взяты в плен византийской армией.

в) *Торговля рабами*. Мы знаем о рабском рынке в Константинополе, сооруженном на новом месте Феофилом в порядке осуществления его строительной программы⁴³. Подобно многим другим видам импорта, рабы, ввозимые на территорию империи в порядке торговли, облагались налогом в размере 5% их стоимости⁴⁴. Имелись три главных источника работорговли: Италия, Болгария и Южная Россия.

Италия. Уже в IX в. византийские города Италии были центрами оживленной торговли рабами как с Византией, так и с арабским миром. Проданные в рабство моравскими властями ученики Кирилла и Мефодия попали к еврейскому торговцу рабами в Венеции, у которого они были куплены и отпущены на волю агентом Василия I. Арабский источник, относящийся к концу IX столетия, упоминает об острове на северо-восток от Сицилии, обитатели которого занимались кастрацией рабов⁴⁵. Среди жителей Калабрии имелись торговцы рабами в середине IX в.⁴⁶ Пример с учениками Кирилла и Мефодия свидетельствует, что рынки рабов в Италии получали свой товар со всех концов Западной и Северной Европы, где, как уже говорилось, был избыток людских ресурсов на протяжении большей части средневековья. После утраты в 1071 г. последних византийских владений в Южной Италии Венеция и Пиза стали главными центрами, через которые проходила торговля рабами.

Болгария. Болгария была, по-видимому, одним из главных непосредственных источников, из которого рабы ввозились в Византийскую империю в IX—X вв. Эти рабы, однако, сами не были болгарами, а поступали из более отдаленных стран.

У южнославянских народов в ранний период их истории рабы не находили широкого использования. Стратегикон Псевдо-Маврикия сообщает, что они только на время удерживали своих военнопленных, а затем или принимали их в свое общество в качестве его свободных членов, или отправляли их на родину⁴⁷. Правда, Прокопий не раз говорит о том, что они захватывали большое количество рабов (один раз он даже точно указывает цифру — 15 тыс.⁴⁸), но нет оснований полагать, что они оставляли их всех у себя. Развивающаяся родовая аристократия могла использовать рабов в производстве и держать их для престижа, но крестьянские общины мало нуждались в них. Интересный, но, к сожалению, недатированный пример использования рабов в сельском хозяйстве в южнославянском обществе содержится в «Чудесах св. Димитрия»⁴⁹. Африканский епископ Киприан по пути в Рим был захвачен в Греции славянами и отдан в рабы хозяину-славянину, который заставлял его носить корзины с навозом. (Возможно, но отнюдь еще не доказано, что это сообщение относится к VII в.).

Положение в Болгарском царстве было, по-видимому, сходным с положением у других южнославянских народов⁵⁰. Ремесленное производство здесь было развито очень слабо, а сельское хозяйство велось мелкими

⁴³ *Scriptores originum Constantinopolitanarum*, II. Leipzig, 1907, ed. Preger, 2.64.

⁴⁴ 25-я новелла Иоанна Цимисхия — *Jus*, III, p. 301—303.

⁴⁵ *Ibn Khordadbeh. Livre des routes et des royaumes*, trad. par Barbier de Meynard. Paris, 1865, p. 482.

⁴⁶ *Vita S. Eliae Spelaetotae*, AASS, Sept., III, p. 855 C.

⁴⁷ *P. s. - Maur.*, II, 5.

⁴⁸ *Procopius. De bello Gothico*, VI, 38.

⁴⁹ *Acta S. Demetrii*. PG, t. 116, col. 1371 A—B.

⁵⁰ Относительно рабства в Болгарии см. Д. Ангелов. Рабство в средновековна България. ИП, 2, 1945—1946, стр. 129—156.

крестьянами-собственниками. Поэтому, несмотря на то, что царь и бояре имели свиты из рабов, среди которых могли быть и ремесленники и специалисты, в целом в болгарском обществе рабство не было распространено. Так, например, царь Крум поселил на своей территории как свободных людей жителей Девельта и Адрианополя, захваченных в плен⁵¹. Но хотя рабы представляли собой небольшую потребительскую стоимость для самих болгар, последние скоро поняли, что рабы имеют меновую стоимость, и с начала X в. болгары стали активно заниматься работоторговлей. Византийские пленные экспортировались или в Западную Европу, или в арабские страны. Роман Лакапин обвинял царя Симеона в том, что тот продавал византийских пленников язычникам в 20-х годах X в.⁵² И действительно, до нас дошли сведения о том, что Симеон захватил множество рабов во время своего похода в Центральную Грецию в это время⁵³. Позднее, в X в., царь Самуил обратил в рабов все население Лариссы⁵⁴. В Константинополе X в. болгары были хорошо известны как работоторговцы. Иоанн Цимисхий в 25-й новелле употребляет термины «работоторговцы» и «болгары» почти как синонимы. Аль-Масуди сообщает, что в середине X в. болгарские купцы продавали славянских и греческих рабов в Константинополе. Начальная русская летопись говорит о ввозе русских рабов в болгарский город Преславец во второй половине X столетия⁵⁵. Эти рабы, по-видимому, экспортировались дальше в Константинополь или Фессалонику в обмен на византийские предметы роскоши. В этой болгарской торговле русскими рабами печенег, вероятно, часто служили посредниками.

Другие восточноевропейские народы также пытались играть роль поставщика рабов в Византийскую империю. Арабские и византийские источники сообщают, что венгры продавали в Византию как своих собственных подданных славянского происхождения, так и болгарских пленников в обмен на золото, шелковую парчу и т. д. Но в военном и географическом отношении положение болгар было более выгодным. На важность для Болгарии торговли с Византийской империей указывает ее резкая реакция на изгнание болгарских купцов из Константинополя в 894 г. и на концентрацию этой торговли в Фессалонике в руках двух торговцев — протеже Стилиана Заутцы, временщика Льва VI⁵⁶.

После разгрома болгарского государства византийцами в начале XI в. сообщения о болгарских работоторговцах встречаются реже, а о рабах-болгарах — чаще. Так, Феофилакт, охридский архиепископ, в своем письме к епископу Видинскому в конце XI в. упоминает о болгарском ребенке пяти лет, взятом в рабство сборщиками налогов⁵⁷. О фактах подобного рода говорят и новеллы Алексея Комнина, датированные 1095 г. В них рассматривается иск, возбужденный жителями Фессалоники, которые утверждали, что они являются свободнорожденными болгарскими подданными империи, в одном случае попавшими в рабство по воле властей,

⁵¹ Источники цитируются и рассматриваются в следующей работе: В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. I. София, 1918, стр. 261—277.

⁵² *Romanus Lacapeneus Ep. I. Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς Ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος*, т. I, 1884, σελ. 658—664.

⁵³ *Vita S. Lucae Junioris*, PG, t. 111, col. 449 C.

⁵⁴ *Cescaumeni Strategicon*, „Зап. истор.-филол. ф-та СПб. ун-та“, т. 38, 1896, р. 68.

⁵⁵ Повесть временных лет, М., 1950, т. I, стр. 48.

⁵⁶ В. Н. Златарски. История на Българската държава, ч. II. София, 1927, стр. 282 и сл.; G. I. Bratianu. *Le commerce bulgare dans l'Empire byzantin*. Сборник в чест на проф. Никол. София, 1940, стр. 30—36.

⁵⁷ PG, t. 126, col. 337 B.

а в другом проданными родителями из-за голода⁵⁸. О получившем широкое распространение обращении болгар в рабов сообщает и Евстафий Фессалоникийский (XII в.). Не подлежит сомнению, что проникновение византийской денежной экономики⁵⁹, византийского землевладения и византийской налоговой системы ускорило распад болгарской свободной крестьянской общины и обеспечило богатый источник рабов у самого порога империи.

Южная Россия. Начиная с X столетия имеется немало сведений о русских работорговцах в Константинополе. Русско-византийский договор 911 года говорит о русских торговцах, прибывающих в Константинополь с рабами, по-видимому, предназначенными для продажи⁶⁰. О русских работорговцах в Константинополе специально упоминает и более поздний договор 944 года⁶¹. Отражение деятельности таких русских работорговцев в столице империи мы встречаем в славянской минее за декабрь, цитируемой М. В. Левченко⁶².

Рабы из России часто проходили через руки печенегов, половцев, кипчаков или других степных кочевых народов или через руки жителей крымских городов. Например, монах Печерского монастыря в Киеве был взят в плен половцами на пути вниз по Днепру в 1096 г. и был продан ими греческому работорговцу в Херсонесе⁶³. Ибн-аль-Атир, арабский писатель конца XII столетия, говорит о рынке в Суроже, в Крыму, где византийские ткани обменивались на рабов и на меха из России. К этому времени произошли уже значительные изменения в характере торговли в восточном Средиземноморье, начало которым было положено пожалованием Венеции торговых привилегий в 992 г., а договор Мануила I с генуэзцами в 1169 г. по сути дела передал им выгодную черноморскую торговлю. Торговцы не всегда дожидались в черноморских портах, пока товары придут к ним из внутренних областей страны. «Греко-готский» купец появляется в Новгороде в 1106 г., и едва ли это было единственным случаем.

Экономической основой широкого движения рабов из Северной Европы в Византию было то, что стоимость рабов возрастала при их перевозке, во-первых, в район с более высоким уровнем производства, во-вторых, в район, настолько удаленный от их родных мест, что не было необходимости охранять раба или заковывать его в цепи, чтобы он не убежал. Именно этот второй момент объясняет, почему так редко упоминаются болгарские рабы в Константинополе, пока существовало болгарское государство и его войско время от времени появлялось у стен самого города.

Дополнительные источники. Случаи, когда люди продавали сами себя в рабство, — хотя это в общем и было запрещено как юстиниановым, так и более поздним византийским законодательством, — спорадически про-

⁵⁸ Jus, III, p. 401—402, 405. См. И. Сакъзов. Една новела на Алексия Комнин за роби българи. Сборник в чест на Васил Н. Златарски. София, 1925, стр. 367—387.

⁵⁹ Налоги в Болгарском царстве при царе Самуиле взимались натурой, и эта система была сохранена и Василием II. Ее замена денежными налогами в 1040 г. явилась одним из главных факторов, приведших к восстанию, которое возглавил Петр Делян (Седренус, II, 530). В то же самое время многих свободных крестьян стали прикреплять к земле, которая была роздана могущественным землевладельцам в качестве вознаграждения за защиту северных границ. Об этом см. D. Obolensky. The Bogomils. Cambridge, 1948, p. 171—172, где цитируются относящиеся к этому вопросу источники.

⁶⁰ Повесть временных лет, М., 1950, стр. 28.

⁶¹ Там же, стр. 37.

⁶² М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М. 1956, стр. 395, примеч. 1.

⁶³ Патерик Киевского Печерского монастыря. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1911, стр. 79.

должали иметь место; с подобными фактами мы встречаемся в XII в.⁶⁴ Такая практика приводила, очевидно, к тяжелым злоупотреблениям.

Продажа детей в случае крайней бедности была открыто разрешена в Эпитоме 920 г. Более ранние римские и византийские законы запрещали ее⁶⁵, хотя на практике всегда могли быть исключения⁶⁶. До нас дошли сведения, что они действительно имели место в византийской Болгарии и в других местах⁶⁷.

Отдельные случаи похищения довольно часто упоминаются в наших источниках. Св. Павла Латрского (IX в.) предупреждают, чтобы он не отправлялся в путешествие с незнакомым монахом, так как последний может продать его⁶⁸. Когда св. Власий из Амория в начале X в. ехал вместе с другим монахом через болгарскую территорию, направляясь в Рим, он был продан своим спутником болгарам. Позднее, будучи уже главой монастыря в Риме, тот же св. Власий продал одного из своих учеников, чтобы испытать его послушание, богатому монаху⁶⁹. В XI в. св. Лазарь совершал путешествие в Иерусалим с одним спутником; когда они достигли порта Атталии, попутчик святого договорился о продаже Лазаря с капитаном армянского судна, но сговор был своевременно раскрыт одним из членов команды корабля⁷⁰.

Рабами, принадлежащими государству, становились и лица, осужденные за некоторые преступления; они использовались в рудниках, каменоломнях и т. д. У нас нет данных об их числе. Нет также оснований полагать, что они продавались государством другим собственникам. Поскольку рабы подобного типа существовали также в соседних государствах, таких, как Болгария⁷¹, рабы-каторжники могли попадать в Византию и из-за границы при посредстве работорговли.

V. СТОИМОСТЬ РАБОВ И УРОВЕНЬ ЦЕН НА НИХ

Хотя могли происходить периодические колебания от внезапного наплыва пленных, цены на рабов оставались, пожалуй, довольно постоянными на всем протяжении рассматриваемого периода. Закон Юстиниана об оценке рабов при разделе наследства (*Cod. Just.*, 6, 43, 3 — от 531) продолжал повторяться в последующих византийских кодексах⁷². Им были установлены такие цены:

Обычный раб	20 номисм
Ремесленник	30 "
Нотариус	50 "
Врач	60 "
Евнух	50 "
Евнух-ремесленник	70 "

⁶⁴ См., например, *Cinnamus*, VI, 8.

⁶⁵ См., например, *Cod. Just.*, VII, 16; *Basil.*, XLVIII, 20, 36; *Procheiron auctum*. Paratit. 22; *J. et P. Zepos. Jus Graeco-Romanum*, p. 344.

⁶⁶ См., например, *W. W. Buckland. Roman Law of Slavery*. Cambridge, 1908, p. 420—421.

⁶⁷ *Jus*, III, p. 401—402; *Cedrenus*, II, p. 503.

⁶⁸ *Vita S. Pauli Junioris*, AB, XI, 1892, p. 23.

⁶⁹ *Vita S. Blasii Amoriensis*, AASS, Nov., t. IV, p. 660. E—661. A, p. 665. D—F.

⁷⁰ *Vita S. Lazari in monte Galesio*, AASS, Nov., t. III, p. 511 F.

⁷¹ См., например, «Закон Судный Людем», 6, 7, 8, 11, 16, 28.

⁷² *Basil.*, XLVIII, 14, 4, 5; *Epanagoge*, XXXVII, 8; *Procheiron*, 34, 11; *J. et P. Zepos. Op. cit.*, II, p. 200; *Пира*, in: *Jus.*, I, 134.

Едва ли это могло быть одним из лишенных смысла повторений устарелого закона, которые встречаются иногда в византийских кодексах, так как этот закон имел дело с ситуацией, возникавшей ежедневно, и должен был быть обязательным для судов, разбиравших такие дела. Следовательно, приведенные цифры должны были в какой-то степени соответствовать реальным ценам. Этот вывод подтверждается теми немногочисленными сведениями о ценах на рабов, которые имеются в источниках. Так, например, мы знаем, что в начале VII в. в Иерусалиме за одного домашнего раба (который был, по сути дела, свободным человеком) было уплачено 30 номисм⁷³. Русско-византийский договор 911 года устанавливает цену на рабов, привозимых из России, в 20 номисм, а в договоре 944 года было признано, что величина выкупа за молодых пленников должна равняться 10 номисмам⁷⁴. Такая стабильность цен на рабов не должна удивлять нас, поскольку, как уже упоминалось, вообще цены в Византийской империи в период между VI и XII вв. изменились очень мало.

До нас не дошло никаких прямых сведений о размерах доходов, которые получали византийские рабовладельцы от эксплуатации своих рабов. Однако некоторые косвенные данные имеются. В этой связи особенно интересна 100-я новелла Льва VI, которая регулирует браки между рабами и свободными лицами. Новелла устанавливает, что если свободный супруг (супруга) не в состоянии сразу уплатить выкупную цену за супругу (супруга), находящуюся в рабстве, то он должен работать у рабовладельца до тех пор, пока не будет уплачена вся цена полностью; при этом его работа должна оцениваться в 2 номисмы в год. В сопоставлении с приведенными уже выше ценами на рабов эта сумма — 2 номисмы — соответствует 10% цены обычных рабов, а для рабов-ремесленников — $6\frac{2}{3}\%$ и т. д. или несколько менее, если принять во внимание амортизацию раба. В античном обществе, где рабство играло в производстве неизмеримо большую роль, норма прибыли на затраченные на приобретение рабов средства была значительно выше: 15—20%, если учесть, что в V в. до н. э. средняя цена равнялась 200—300 драхам, а ежедневная плата за раба, не работающего на своего хозяина, — одному оболу. Такая разница слишком велика, чтобы быть случайной. Рабство просто не приносило в средние века таких высоких доходов, как в античном мире. Нет поэтому ничего удивительного в том, что рабство сохранилось, как мы видели, в наибольшей степени в таких областях хозяйственной жизни, в которых низкая доходность рабовладения или не ощущалась непосредственно (обслуживание домашнего хозяйства), или же компенсировалась монопольным или полумонопольным положением данного производства (императорские мастерские или мастерские крупных магнатов, перерабатывавших продукцию своих собственных поместий, и т. п.). В сельскохозяйственном производстве, где нельзя было избежать влияния рынка, рабство вымерло. Если это так, то должны были существовать внеэкономические обстоятельства, такие, как престиж, традиция и огромная инерция давно сложившегося классового общества, которые способствовали столь длительному сохранению рабства в покровительствуемых государством отраслях византийской экономики.

Таковы в общих чертах сведения, которыми мы обладаем по некоторым вопросам истории византийского рабства. Если на этих страницах больше проблем, чем решений, то это лишь является мерой объема ра-

⁷³ Leontios von Neapolis. Leben des Heiligen Johannes des Barmherzigen, Erzbischofs von Alexandrien, ed. H. Gelzer. Freiburg i. B. und Leipzig, 1893, S. 44.10—17.

⁷⁴ Повесть временных лет, стр. 28, 37.

боты, которую еще предстоит проделать. Источники столь обширны, что ни один человек не может надеяться прочесть их все, не говоря уже о том, чтобы дать им оценку. Это является задачей для коллектива исследователей. К тому же некоторые важные аспекты проблемы умышленно не затрагиваются в этой статье, например роль Византийской империи как посредника в торговле рабами между Северной и Западной Европой и мусульманским миром, позиция церкви по отношению к рабству⁷⁵, восстания рабов и участие рабов в борьбе других эксплуатируемых классов.

Исследование византийского рабства представляет интерес не только для специалистов по истории Византийской империи, но проливает определенный свет и на социальную и экономическую историю южнославянских стран, Киевской Руси, Италии, арабского мира, а возможно, и более отдаленных районов.

⁷⁵ Типичным образцом сложности этой позиции является контраст между отказом св. Ильи Сидеота молиться за спасение души умершего работоторговца и культом св. Феодора из Евхантив, который считался защитником рабовладельцев и будто бы открывал тем из них, кто спал около его могилы, вероятное местонахождение бежавших рабов (*Miracula S. Theodori Euchaitensis*, AASS, Nov., t. IV, p. 69. A, 79. D—F).

Перевод с английского Л. А. Волчковой